

**«Бесы»:  
опыт реконструкции  
журнальной редакции романа**

Текстология романа Достоевского «Бесы» — одна из сложных и трудноразрешимых проблем. Существуют две редакции романа: журнальная 1871–1872 гг. и книжная 1873 г. Журнальная редакция создавалась с расчетом на публикацию главы «У Тихона». Исключение главы редакцией «Русского Вестника» потребовало от автора существенных изменений в композиции книжного издания романа.

История конфликта Достоевского с редакцией «Русского Вестника» по поводу главы «У Тихона» представлена в письмах автора, отражена в записных тетрадах и рукописях, в воспоминаниях и переписке современников. Она обстоятельно изложена в комментариях Т. И. Орнатской (*ДЗО*, XII, 237–253), в других трудах (*Карякин* 1989, 319–334; *Федоренко* 1994, 265–294). Возникли общие места, но многие обстоятельства известны без важных и необходимых в подобных случаях подробностей. Есть полемика в обсуждении разных текстологических решений (*ДЗО*, XII, 246; *Бесы* 1990, 612–617; *Федоренко* 1994, 268–294; *Д18*, IX, 601–609).

В декабре 1871 г. Достоевский представил главу «У Тихона» в журнал «Русский Вестник», в ноябрьском номере которого уже были напечатаны 7 и 8 главы. Глава была девятой, завершающей вторую часть романа.

10/22 декабря 1871 г. Достоевский подсчитал объем напечатанного в «Русском Вестнике» текста, в котором за декабрь было учтено 30 страниц главы «У Тихона» (*Федоренко* 1994, 265–266). Всего было 16 гранок, но верстка, учитывая неполные полосы, вполне могла составить 30 страниц журнального текста. Позже цифра «30» была перечеркнута, однако количество страниц и сумма расчета гонорара осталась прежней:

«Январь — 73

Февр<аль> — 76

Апрѣль — 49

Июль — 72

Сентябрь — 61

Октябрь — 42 <было: 43>

Ноябрь — 34

Дек<абрь> — 30

437»

(РГБ. Ф. 93.1.15. Л. 145; ср. л. 5 с расчетами на сентябрь 1871 г.).

Позже цифра «30» была перечеркнута, но количество страниц и сумма расчета гонорара осталась прежней.

Вряд ли Достоевский узнал о решении Каткова 31 декабря, когда, судя по объявлениям, вышла двенадцатая книжка журнала (*Федоренко* 1994, 266), — уже 1 января он был в Москве, куда срочно выехал по «делу» в связи с необходимостью расчета и отказом Каткова печатать главу.

Он был у Каткова первого января, но смог оставить «только визитные карточки Каткову и его супруге»; второго января, «несмотря на то что Катков ужасно занят, и главное, что и без меня бездна людей поминутно мешают ему своими посещениями — отправился в час к Каткову, говорить о деле. Едва добился: в приемной комнате уже трое, кроме меня, ждали аудиенции. Наконец я вошел и прямо изложил просьбу о деньгах и о сведении старых счетов. Он обещал дать мне окончательный ответ послезавтра (4<sup>ш</sup> числа). Итак только 4<sup>ш</sup> получу ответ, а там насчет выдачи и прочего опять потребуется свое время. Хорошо если я выеду 5<sup>ш</sup>, а ну как если 6<sup>ш</sup> или 7<sup>ш</sup>? Главное проживусь» (*Д18*, XVI. Кн. 1, 104—105). Достоевский надеется на удовлетворение просьбы: «Кажется Катков даст что-нибудь — и это верно. Я сужу по его тону и не захотел бы он сам меня задерживать напрасно» (*Д18*, XVI. Кн. 1, 105).

4 января 1872 г. он снова был «у Каткова и — опять затруднение: Извинялся и просил повременить когда сведут счета, которые еще свести не успели» (Там же. С. 105). В предварительных расчетах редакция исходила из того, что писатель не отработал аванс и остался должен около 1300 руб. Его тревожит формула расчета: «Заметь что два последние, забракованные ими листа романа в счет не вошли» (Там же. С. 106). Достоевский надеялся на добрый исход конфликта. Ему уже казалось, что он достиг желаемого, он уповал на доверительные отношения с издателем: «Признаюсь тебе, — продолжал Достоевский в этом же письме к жене, — что я всё еще крепко надеюсь. Вот черта: Я рассказал Каткову, глаз на глаз, сюжет моего будущего романа и слышал от Аверкиева что он уже рассказал сюжет двум лицам» (Там же). Он убеждает себя: «Если так, то не может же он относиться к моей просьбе пренебрежительно. (Иное дело Леонтьев)» (Там же). Впрочем, в процессе переговоров автора и издателя были оговорены условия для переработки главы.

В течение января—марта 1872 г. Достоевский был занят ее исправлением.

Месяц спустя после переговоров Достоевский писал своей племяннице С. А. Ивановой: «...выехав из Москвы я думал что переправить забракованную главу романа, так как они хотят в Редакции, всё-таки будет не Бог знает как трудно. Но когда я принялся за дело, то оказалось что исправить ничего нельзя, разве сделать какие-нибудь перемены самые мелкие. И вот в то время когда я ездил по кредиторам я выдумал, большею частию сидя на извозчиках, четыре плана и почти три недели мучился, который взять. Кончил тем, что всё забраковал и выдумал перемену новую, т<о> е<сть> оставляя сущность дела, изменил текст на столько чтоб удовлетворить целомудрие Редакции. И в этом смысле пошлю им ultimatum. Если не согласятся, то уж я и не знаю как сделать» (Там же. С. 108).

Эта переработка главы «У Тихона» была поставлена Достоевскому в упрек Н. Н. Страховым: «...одну сцену из Ставрогина (растление и пр.) Катков не хотел печатать, но Д[остоевский] здесь ее читал многим» (*Толстой Страхов* 2003, II. 652). Возражая Страхову, А. Г. Достоевская поясняла в «Воспоминаниях»: «Федору Михайловичу для художественной характеристики Николая Ставрогина необходимо было приписать герою своего романа какое-либо позорящее его преступление. Эту главу романа Катков действительно не хотел напечатать и просил автора ее изменить. Федор Михайлович был огорчен отказом и, желая проверить правильность впечатления Каткова, читал эту главу своим друзьям: К. П. Победоносцеву, А. Н. Майкову, Н. Н. Страхову и др., но не для похвалы, как объясняет Страхов, а прося их мнения и как бы суда над собой. Когда же все они нашли, что сцена "чересчур реальна", то муж стал придумывать новый вариант этой необходимой, по его мнению, для характеристики Ставрогина сцены. Вариантов было несколько, и между ними была сцена в бане (истинное происшествие, о котором мужу кто-то рассказывал)» (*Достоевская* А. Г., 402–403).

В марте 1872 г. Достоевский представил редакции новый вариант главы, настаивая на продолжении публикации романа. Судя по письмам, объем главы «У Тихона» увеличился в результате переработки на пол-листа, что вполне соответствует *Списку*.

В письме от 14 марта 1872 г. Н. А. Любимов известил автора о позиции редакции:

«Относительно помѣщенія Бѣсовъ мы пришли къ такому заключенію: лучше переждать чѣмъ торопиться. Потому очень желательно было бы начать продолженіе печатанія когда Вами заготовлено будетъ почти все или по крайней мѣрѣ значительная доза такъ что начавъ вновь печатаніе не имѣть уже перерывовъ, на которые публика всегда негодуетъ. Лучшее одинъ перерывъ подлиннѣе чѣмъ нѣсколько. Во всякомъ случаѣ надѣмся что Вы употребите усилія, не отлагая сдѣлать все возможное! Романъ сильно затянулся» (РГБ. Ф. 93. II. 6. 33. Лл. 7–7 об.).

Достоевский оправдывался и предлагал свои условия публикации:

«Я не ответил на письмо Ваше, ожидая выхода мартовской книжки. Вы замечаете мне что роман сильно затянулся: Что делать, я, судя в целом, виноват без вины (но всё-таки виноват), а Вы имеете полное право, сознаюсь в том, негодовать. Затем Вы даете мне полные сроки, то есть Вашими словами “Когда мною написано будет *всё* или по крайней мере значительная доза” — и тогда уже начать печатать.

Я считаю возможным вот что предложить с моей стороны и сверх того кой-об чем попрошу Вас, многоуважаемый Николай Алексеевич» (Д18, XVI. Кн. 1, 112).

Достоевский настаивал на публикации романа с апрельского номера. В редакции был новый вариант главы «У Тихона», автор обещал поставлять не менее 2,5–3-х листов ежемесячно до окончания третьей части:

«У меня две мысли насчет продолжения печатания: 1) у Вас в руках 2 1/2 листа, у меня через два дня будет отделана еще глава. Таким образом будет всего на <апрельскую> книжку 4 листа. Угодно ли В<ам> напечатать в Апреле, — тогда уведомьте меня одной строчкой и я немедленно вышлю Вам главу. Затем, говорю это твердо, доставка пойдет без перерывов, до самого окончания 3-й Части, т<о> е<сть> романа, правда, не по четыре листа, но я постараюсь, чтоб не менее 2 1/2 до 3-х листов на номер. Повторяю, я говорю это твердо. Я столько раз был неисправен, что в этот раз употреблю все силы исправить прошедшее.

2-я мысль: Если Вы уже так непременно желаете начать печатание 3-й Части когда она будет кончена или написана весьма значительная доля, чтоб не было перерывов, то я покорнейше и особенно просил бы Вас: Начать печатанье с Августовского номера. Тогда можно кончить разом в Августовской и Сентябрьской книгах, в двух номерах, по 6 или 7 листов (никак не более, судя по величине 3-й части), или в 3-х книгах (Август–Сентябрь и Октябрь) — одним словом как Вы пожелаете. Для меня это много составляет <...> Я имею убеждение, что кончу может <быть> гораздо скорее, чем сам рассчитываю. <Таким> образом если начать, например, печатание с Июньской книги, и кончить до осени, то это значит (для меня) повредить роману. Без глупой похвалбы скажу: публика несколько интересовалась романом. В последнее время при выходе каждого номера об нем писали и говорили, по крайней мере у нас в Петербурге довольно. До Августа срок очень длинный и для меня, конечно, вредный: роман начнут забывать. Но напомнив разом при напечатании вдруг 3-й Части, я надеюсь опять оживить впечатление и именно в то время, когда опять начинается зимний сезон, в котором роман мой будет первую *новостию*, хотя и очень ветхою. Сверх того у меня (знающего окончание романа) есть одно убеждение (очень позволительное) что эта 3-я Часть, по достоинству будет выше первых двух и особенно второй (а вторая-то

и производила в эту зиму в Петербурге впечатление). Таким образом роман обновиется — а это мне очень будет полезно для 2-го издания, сейчас по окончании.

Вот почему и прошу Вас покорнейше <уведо>мить меня теперь же, со<гласны> Вы на это (т<о> е<сть> до Августа) в случае, <если> не захотите начать с Апреля? Если же с Апреля, то главу немедленно вышлю» (Д18, XVI. Кн. 1, 112—113).

В процессе переработки Достоевский изменил композиционный план романа — теперь глава «У Тихона» должна была не завершать вторую, а начинать третью часть:

«Мне кажется то, что я Вам выслал (глава 1-я У Тихона; 3 малые главы) теперь уже можно напечатать. Всё очень скабрёзное выкинуто, главное сокращено, и вся эта полусумасшедшая выходка достаточно обозначена, хотя еще сильнее обозначится в последствии. Клянусь Вам, я не мог не оставить сущности дела. Это целый социальный тип (в моем убеждении), *наш* тип, русский, человека праздного, не по желанию быть праздным, а потерявшего связи со всем родным и, главное, веру, развратного *из тоски*, но совестливого и употребляющего страдальческие судорожные усилия чтоб обновиться и вновь начать верить. Рядом с нигилистами это явление серьезное. Клянусь что оно существует в действительности. Это человек не верующий вере наших верующих и требующий веры полной совершенной, иначе... — Но всё объяснится еще более в 3-й Части» (Д18, XVI. Кн. 1, 113).

В создавшейся ситуации Достоевский желал возобновления публикации, редакция «Русского Вестника» переносила сроки печатания, ожидая от автора «почти всё или по крайней мере значительную дозу» третьей части романа. Достоевский шел на уступки, был согласен печатать третью часть в непрестижных летних номерах, но редакция стояла на своем, предлагая мнимые компромиссы: «...мы ничего не имеем против того чтобы согласно Вашему желанию, сь майской книжки помѣщать непрерывно по 3 листа въ номеръ. Наше единственное желаніе чтобы не было перерывовъ. А для того во избѣжаніе случайностей, въ которыхъ никто не воленъ необходимо имѣть всегда запасъ на одну хотъ книжку впередъ» (РГБ. Ф. 93.П.6.33. Л. 9).

Достоевский настаивал — редакция молчала. Шла игра, в которой автор добивался публикации главы «У Тихона», а Катков и Любимов старались выманить третью часть романа, не объявляя свое окончательное решение по поводу отвергнутой главы.

Без решения судьбы главы «У Тихона» работа над третьей частью романа не шла. Творческий кризис осложнялся частыми припадками и бытовыми неудобствами: Достоевский с сыном жил в Старой Руссе, Анна Григорьевна из-за длительного лечения травмы дочери находилась в Петербурге и не могла помогать ни стенографией, ни перепиской черновиков.

19 июля Достоевский снова писал Н. А. Любимову:

«Сегодня я выслал в Редакцию Пятую (большую) главу 3<sup>й</sup> части моего романа (21 полулисток). Это не то что я Вам обещал выслать в последнем письме (дней пять тому назад) к концу Июля; Это только половина обещанного. Высылаю же теперь потому что эта пятая глава, по моим соображениям могла бы быть напечатана вместе с четвертой, для полноты эпизода. Если печатание началось с Июльской книжки (и я думаю в числе двух глав) то 3<sup>ю</sup>, 4<sup>ю</sup>, и 5<sup>ю</sup> главу хорошо бы было пустить вместе в Августовской, хотя и будет не менее 4  $\frac{1}{2}$  листов.

Не сомневайтесь за Сентябрьскую Книжку, работа идет непрерывно и в конце Июля я Вам вышлю совсем отделанную 6<sup>ю</sup> главу. (NB. Эта 5<sup>я</sup> теперь высылаемая и 6<sup>я</sup> глава, которую вышлю в Июле по недавним еще соображениям моим составляла всего одну главу. Но я раздробил эту уж очень большую главу на две, для полноты эпизода.)

В весьма большом беспокойстве о том начнется ли печатание в Июльском номере? Иначе, не пойму какие намерения Редакции насчет этой Третьей Части.

Нахожусь тоже в недоумении доходят ли мои письма в Редакцию (и посылки романа)?

Впрочем насчет помещения *Пятой* Главы вполне доверяюсь соображениям Редакции и выразил только мое чрезвычайное желание» (Д18, XVI. Кн. 1, 129—130).

В письме от 22 сентября 1872 г. Достоевский просит Е. П. Иванову, узнать, в Москве ли Катков:

«Мне крайне нужно быть в Москве чтоб решить с Катковым лично дело о моем романе (и иначе как лично сговорившись решить нельзя, по совершенно особому обстоятельству). Между тем Любимов (редактор de facto Русского Вестника) известил меня что Катков 1<sup>ш</sup> Августа выехал за границу с тем чтобы пробыть там месяца полтора. Надо Вам сказать что мне *во всяком случае* придется быть в Москве по поводу моего романа. Но лишнего времени я терять на поездку никак не могу. И потому если приеду раньше Каткова, то пожалуй придется его дожидаться. Рискнуть же ограничиться в объяснениях моих *одним* Любимовым могу только в самом крайнем случае. Вот почему, теперь когда уже *пора* ехать в Москву и приступаю к Вам с просьбою:

Получив это письмо сообщить его Сонечке, *если она в Москве* и передать ей покорнейшую и крайнюю просьбу мою мне помочь. Именно — сходить в Редакцию, к Любимову или куда она знает и *не сообщая что я приеду* разузнать от себя: 1) Приехал ли Катков? 2) Если не приехал, то когда приедет? 3) Если там не знают, то хоть приблизительно узнать от них к которому дню его ждут. 4) Как его здоровье и не может ли Сонечка на этот счет сообщить чего-нибудь особенного?

Сообщите ей тоже что всё это имеет для меня, в моих делах очень, очень большое значение. Если не пишу ей прямо то именно потому что не знаю где она теперь, не в Даровом ли?

В случае же, если она не в Москве и сообщить стало быть ей нельзя, то решаюсь на чрезвычайно назойливую просьбу собственно к Вам, добрейшая Елена Павловна. Именно: не можете ли Вы сами навеститься в Редакцию (Русского ли Вестника, Московских ли Ведомостей всё равно) и там прямо спросить не объясняя причины (это можно) когда ждут в Москву Михаила Никифоровича? Простите что так досаждаю, но мне ужасно нужно» (Д18, XVI. Кн. 1, 131).

Не дождавшись возвращения М. Н. Каткова из Крыма, Достоевский 6 октября выехал в Москву «по совершенно особому обстоятельству», пробыл там неделю, Каткова не было, вел переговоры с Н. А. Любимовым. 9 октября он писал Анне Григорьевне:

«С Любимовым по виду всё улажено, печатать в Ноябре и Декабре, но удивились и морицуются что еще не кончено. Кроме того сомневается (*"так как мы без Каткова"*) насчет цензуры. Катков впрочем уже возвращается: Он в Крыму и воротится в конце этого месяца. Хотят книжки выпускать Ноябрьскую 10<sup>м</sup> Ноября, а Декабрьскую 1<sup>м</sup> Декабря, — т<о> е<сть> я должен чуть не в три недели всё кончить. Ужас как придется в Петербурге работать. Вытребовал у них старые рукописи пересмотреть (да Любимов ужасно просил) — страшно много надо поправить, а это работа медленная; а между тем мне очень очень хочется выехать в Среду. И потому сижу дома и работаю» (Там же. С. 132).

Выехать в среду не удалось. Это стало понятно на следующий день:

«Милый друг мой Аня, сижу за работой и поправок оказывается столько, что выеду не в Среду, а в Четверг. Пишу в три часа ночи. Спать хочется ужасно, но работы такая бездна что нельзя лечь...» (Там же. С. 133).

Очевидно, что с Любимовым Достоевский мог обсуждать любые вопросы, но тот не мог принять главного решения, печатать или нет отвергнутую главу. Достоевский по-прежнему рассчитывал на согласие Каткова печатать главу «У Тихона».

Косвенным подтверждением такого предположения могут быть черновые автографы третьей части.

Для ноябрьского номера «Русского Вестника» Достоевский приготовил пять глав:

ГЛАВА ПЕРВАЯ. У Тихона.

ГЛАВА ВТОРАЯ. Степана Трофимовича описали.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. Флибустьеры. Роковое утро.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. Праздникъ. Отдѣлъ первый.

ГЛАВА ПЯТАЯ. Окончание праздника.

Над исправлением рукописей этих глав Достоевский работал в Москве с 7 по 1 октября.

Согласно авторскому замыслу окончание третьей части в декабрьском номере должно было выглядеть так:

ГЛАВА ШЕСТАЯ. Законченный романъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. Последнее рѣшеніе.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. Путешественница.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. Многотрудная ночь.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. Последнее странствование Степана Трофимовича.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. Заключение.

В журнальной публикации «Русского Вестника» глава «У Тихона» была исключена, нумерация уменьшилась на одну единицу.

В черновых автографах автор придерживался нумерации, включающей главу «У Тихона». Так глава «Степана Трофимовича описали» — вторая (ИРЛИ. Ф. 100. № 29452), несколько автографов относятся к главе четвертой, которая имела название «Праздникъ по подпискѣ» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/1–2), в двух черновых рукописях главы «Последнее рѣшеніе» стоит «ГЛАВА СЕДЬМАЯ» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/9–10), к тому же она имеет другое заглавие: «Последніе шаги П. С—ча» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/10) — и глава стала шестой по журнальной нумерации в декабрьской книжке «Русского Вестника». В нумерации главы «Путешественница», седьмой по счету в журнальной публикации, у автора возникают колебания: «Глава 8 (??)» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/11).

В автографе будущей главы «Многотрудная ночь», отмеченном датой «20 Октября <18>72», случайно или нет, возникает совпадение нумерации черногового автографа с журнальной нумерацией глав, но со знаком вопроса: «Глава (8<sup>n</sup>)?» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/12).

В других автографах нумерация глав отсутствует.

14 ноября Любимов известил автора о выходе ноябрьской книжки журнала, обойдя молчанием решение вернувшегося из Крыма Каткова:

«Милостив<ый> Государь

Многоуважаемый Ѳедоръ Михайловичъ, книжка *Русскаго Вѣстника* № 11 вышла сегодня, 14 ноября. Намъ очень хочется выдать № 12 не позже 5<sup>го</sup> или 6<sup>го</sup> декабря. Потому усерднѣйше просимъ Васъ поторопиться присылкою окончанія *Бѣсовъ*. Чтобы выдать книжку въ первыхъ числахъ декабря *необходимо* имѣть конецъ романа къ 25 или 26 ноября, не позже. Много обяжете принявъ во вниманіе эту покорнѣйшую нашу просьбу.

Съ истин<нымъ> почтеніемъ остаю<сь>  
душев<но> предан<ный>

Н. Любимовъ

P. S. Последняя незастрахованная посылка доставлена самымъ аккуратнымъ образомъ.<.>

Ноябр<я> 14  
1872»

(РГБ. Ф. 93.П.6.33. Лл. 11–12).

Отмечу, что запрашивая окончание романа, Любимов в примечании Post Scriptum известил писателя о получении очередного текста третьей части.

Скорее всего, о решении Каткова Достоевский узнал из самой публикации третьей части без главы «У Тихона». Роман был почти закончен, автор был заинтересован в расчетах с редакцией журнала и в погашении образовавшегося долга, писателю ничего не оставалось, как подчиниться воле издателя. Он не мог позволить себе обострение конфликта с «Русским Вестником».

В течение года Достоевский пытался спасти отвергнутую главу и безуспешно.

Зачем же она была нужна Достоевскому, почему без решения судьбы этой главы остановилась творческая работа над романом?

Достоевский считал исповедь Ставрогина кульминационным эпизодом романа, который не только раскрывает «тайное тайных» в судьбе Ставрогина, но и ставит диагноз его духовной болезни, проясняет сюжетные мотивы и характер героя, а неудача его исповеди Тихону мотивирует будущие эксцессы романа.

Исповедь Ставрогина и его наказание за постыдное преступление входили в замысел Достоевского. Об этом свидетельствуют многочисленные пометы в подготовительных материалах к роману, начиная с 9 июня 1870 г. и кончая 24 октября 1872 г. (см.: Д30, XI, 153, 190, 194–196, 208–209, 266–268, 274–276, 305–308). Уже в мае 1870 г. Достоевский знал фразу, которой он хотел закончить роман и поставить точку в романной судьбе Ставрогина: «NB) Гражданинъ [гор<о-да?>] Кантона Ури висѣлъ на [бѣ<льевой?>] веревкѣ спрятавшіи между шкафомъ и комодомъ» (РГБ. Ф. 93.1.1.5. Л. 139). Так висят бездушные вещи, так прячутся дети. Этот стилистический оксюморон выразительно характеризует образ героя «Бесов».

Объясняя в январе 1871 г., почему он не мог посвятить новый роман своей племяннице М. А. Ивановой, Достоевский писал: «В романе (во 2<sup>й</sup> и в 3<sup>й</sup> части) будут места, которые хоть и можно читать даже девушке, но всё-таки нехорошо посвятить ей. Одно из главных лиц романа признается таинственно другому лицу в одном своем преступлении. Нравственное влияние этого преступления на это лицо играет большую роль в романе, преступление же, повторяю, хоть о нем и можно прочесть, но посвятить не годится. Когда посвящаешь, то как будто говоришь публично тому, кому посвящаешь: “Я о Вас думал когда писал это”. — — Не знаю, может быть я рассуждаю неправильно. Я еще далеко не дошел до того места и всё будет может быть очень прилично; но теперь всё-таки посвятить не решусь» (Д18, XIV. Кн. 1, 58).

В конце ноября — начале декабря 1872 г. Достоевский еще работает над завершением третьей части. 15 декабря выходит декабрьская книжка «Русского Вестника» с окончанием романа. В это время он получает предложение от кн. В. П. Мещерского принять обязанности редактора еженедельника «Гражданин», начинаются хлопоты по вхождению в должность, 20 декабря Достоевский утвержден редактором, о чем было сообщено в следующем номере:

«Съ 1-го января 1873 года редакторомъ журнала „ГРАЖДАНИНЪ“ будетъ *Θ. М. Достоевскій*»<sup>1</sup>.

Декабрь 1872 г. прошел в хлопотах по устройству разных дел, вхождению в должность редактора «Гражданина», работе над «Дневником Писателя» и подготовке отдельного издания «Бесов».

Для переработки романа у Достоевского не было времени. Не оказалось его даже для «Предисловия», наброски которого остались незавершенными в подготовительных материалах. Как всегда, он остро нуждался в деньгах.

Год конфликта с Катковым принес одни убытки. Без финансовой помощи наследника престола А. А. Романова Достоевский не справился бы с бедствиями, о чем писал ему 28 января 1872 г.:

«Ваше Императорское Высочество  
Милостивейший Государь.

Осмеливаюсь еще раз писать к Вашему Высочеству, а вместе с тем почти боюсь выразить мои чувства: одоляющему, с сердцем великодушным, почти всегда несколько тяжела слишком прямо высказываемая благодарность им одолженного, хотя бы и самая искренная. Чувства мои смутны: мне и стыдно за бывшую смелость мою, и в то же время я исполнен теперь восхищения от драгоценного внимания Вашего Высочества, оказанного просьбе моей. Оно дороже мне всего, дороже самой помощи, мне оказанной Вами и спасшей меня от большего бедствия.

С чувством беспредельной преданности осмеливаюсь пребыть Вашего Императорского Высочества покорнейшим слугою.

Федор Достоевский»  
(Д18. XIV. Кн. 1, 108).

Кто еще раз спас бы Достоевского?

Чтобы поправить дела, необходимо было срочно выпустить книжное издание «Бесов». Включение исповеди Ставрогина в роман вызвало бы литературный скандал, что, конечно же, повысило бы продажи книги, но скандал был не в интересах редактора еженедельника «Гражданин». Эти обязанности отнимали у Достоевского много сил и энергии, так что все заботы по изданию романа легли на плечи А. Г. Достоевской, которая не только держала и первую, и вторую корректуру.

<sup>1</sup> *Гражданинъ*. 1872. № 34. 25 декабря. С. 556.

но и вела все дела по продаже книги. Так началась ее издательская деятельность, в которой жена писателя нашла дело и смысл жизни, посвященной позже памяти Достоевского.

Достоевский отказался от включения главы «У Тихона», изменил композицию романа. В связи с исключением Катковым главы «У Тихона» вторая часть оказалась незавершенной. Чтобы устранить этот недостаток, автор перенес главы «Степана Трофимовича описали» и «Флибустеры. Роковое утро» в конец второй части, третья часть началась главой «Праздник. Отдел первый».

При подготовке книжного издания писатель внес и другие исправления в текст журнальной публикации.

Он сократил сцену объяснения Ставрогина с Дашей, исключив признание героя о посещениях беса — мотив, не получивший развития в сюжете романа в целом. Достоевский приберег его для «Братьев Карамазовых» (главы «Черт. Кошмар Ивана Федоровича» и «Это он говорил!»).

После вопроса Даши: «Вы очень больны? съ участіем спросила она, какъ—то особенно въ него вглядываясь» (С. 280) — следовал диалог, в котором Ставрогин признавался, что его мучают бесы:

— Я опять его видѣлъ, проговорилъ Ставрогинъ почти шепотомъ, отвертываясь въ сторону.

— Боже мой!

— Сначала здѣсь въ углу, вотъ тутъ у самаго шкафа, а потомъ онъ сидѣлъ все рядомъ со мной, всю ночь, до и послѣ моего выхода изъ дому... Не входи, Алексѣй Егоровичъ! крикнулъ онъ старику, показавшемуся въ дверяхъ съ подносомъ въ рукѣ.

— Этого уже три мѣсяца съ вами не было!

— Да, три мѣсяца; больше. (Безпокойство и тревога все сильнѣе и сильнѣе овладѣвали имъ.) Чтò вы такъ засматриваете мнѣ въ лицо? Теперь начнется рядъ его постыженій. Вчера онъ былъ глупъ и дерзокъ. Это тупой семинаристъ, самодовольство шестидесятихъ годовъ, лакейство мысли, лакейство среды, души, развитія, съ полнымъ убѣжденіемъ въ непобѣдимости своей красоты... ничего не могло быть гаже. Я злился что мой собственный бѣсъ могъ явиться въ такой дрянной маскѣ. Никогда еще онъ такъ не приходилъ. Я впрочемъ все молчалъ, нарочно; я не только молчалъ, я былъ неподвиженъ. Онъ за это ужасно злился, и я очень радъ что онъ злится. Я теперь даже радъ.

Даша въ совершенномъ испугѣ схватила его за руку.

— Николай Всеволодовичъ, опомнитесь! вскричала она.

— Чтò вы? какъ бы удивился онъ ея волненію, — вѣдь вы знаете что у меня такая болѣзнь. Я вамъ одной только и открылъ про нее на свѣтъ, и никто этого не знаетъ. Пойдите, неужели я вамъ не открывалъ? смотрѣлъ онъ на нее въ недоумѣніи, какъ бы что—то припоминая. Если такъ, то я дѣйствительно брежу или... съ ума сошелъ, прибавилъ онъ въ невыразимой тоскѣ, ожидая отвѣта.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пугайтесь, вы мнѣ открыли, одной мнѣ, въ Швейцаріи. Я не того испугалась сейчасъ, а того какъ вы о немъ говорили. Вы такъ говорите какъ онъ въ самомъ дѣлѣ есть. Боже сохрани васъ отъ этого! вскричала она въ отчаяніи.

— О, нѣтъ, я въ него не вѣрю, успокойтесь, улыбнулся онъ. — Пока еще не вѣрю. Я знаю что это я самъ въ разныхъ видахъ, двоюся и говорю самъ съ собой. Но все-таки онъ очень злится; ему ужасно хочется быть самостоятельнымъ бѣсомъ и чтобъ я въ него увѣровалъ въ самомъ дѣлѣ. Онъ смѣялся вчера и увѣрялъ что атеизмъ тому не мѣшаетъ.

— Въ ту минуту какъ вы увѣруете въ него, вы погибли! Боже! И этотъ человѣкъ хочетъ обойтись безъ меня! съ болью въ сердцѣ вскричала Даша. — Слушайте, когда мы будемъ свободны, я сяду подлѣ васъ и онъ никогда не придетъ.

— Знаете его вчерашнюю тему? Онъ всю ночь утверждалъ что я фокусничаю, ищу бремени и неудобноносимыхъ трудовъ, а самъ въ нихъ не вѣрую. Но меня что поразило? Представьте, сейчасъ вдругъ Кириловъ, въ одно слово съ семинаристомъ, говорить то же самое...

Онъ вдругъ захохоталъ, и это было ужасно нелѣпо. Дарья Павловна вздрогнула и отшатнулась отъ него.

— Бѣсовъ было ужасно много вчера! вскричалъ онъ хохоча, — ужасно много! Изъ всѣхъ болотъ налѣзли» (С. 280—281).

В книжном издании эта сцена свернута в две реплики продолжающегося диалога:

«— Вы очень больны? съ участіемъ спросила она, какъ-то особенно въ него вглядываясь. Боже! И этотъ человѣкъ хочетъ обойтись безъ меня!

— Слушайте Даша, я теперь все вижу привидѣнія» (О. Д., IX, 280)

Достоевский исключил эту сцену из отдельного издания, но не оттого, что отвергли главу «У Тихона». Достоевский отказался от мотива развития душевной болезни Ставрогина — в сюжете романа у героя *духовная болезнь*. Этот отказ подтвержден финалом:

«Гутъ же на столѣжъ лежалъ и молотокъ, кусокъ мыла и большой гвоздь, очевидно припасенный про запасъ. Крѣпкій шелковой снурокъ, очевидно заранѣе припасенный и выбранный, на которомъ повѣсился Николай Всеволодовичъ, былъ жирно намыленъ. Все означало преднамѣренность и сознаніе до послѣдней минуты.

Наши медики по вскрытіи трупа совершенно и настойчиво отвергли помѣшательство» (С. 672).

А. Г. Достоевская вспоминала: «Конец 1872 года и начало следующего года прошли у нас в заботах о книге: я читала первую и вторую корректуры, авторскую же просматривал Федор Михайлович» (*Достоевская* А. Г., 247).

22 января 1873 г. вышло отдельное издание романа без главы «У Тихона».

Определенно, исповедь Ставрогина входила в замысел автора, она должна была завершить вторую часть, но осталась ли глава «У Тихона» в сюжете третьей части журнальной редакции романа?

Ошибочно мнение, что третью часть романа Достоевский писал, согласившись с решением «Русского Вестника» не печатать главу: вплоть до возобновления публикации писатель настаивал на том, что она должна была открыть продолжение романа.

Нам не известны беловые рукописи третьей части романа «Бесы». В библиографическом указателе А. Г. Достоевской они описаны в собрании автографов писателя, хранящихся в Российском историческом музее им. имп. Александра III:

«1. Бѣсы. Романъ. Часть третья.

Глава первая. Праздникъ.

Глава вторая. Окончаніе праздника.

Глава третья. Законченный романъ.

Глава четвертая. Послѣднее рѣшеніе.

Глава пятая. Путешественница.

Глава шестая. Многотрудная ночь.

Глава седьмая. Послѣднее странствованіе Степана Трофимовича.

Глава восьмая. Заключение.

Въ листъ, на 114 страницахъ. Въ переплетѣ»<sup>2</sup>.

В годы гражданской войны и установления советской власти беловой автограф третьей части романа «Бесы» был украден, как и другие самые ценные с библиофильской точки зрения автографы писателя — рукописи романов «Подросток» и «Братья Карамазовы».

Как повлияло исключение главы «У Тихона» на завершение романа и публикацию второй половины третьей части романа?

Прежде всего к середине ноября в редакции уже были главы для декабрьской книжки «Русского Вестника». Достоевский должен был представить в журнал несколько (две—три) последних глав. Подготовительные наброски и черновые автографы этих глав полнее, чем окончательный текст. Чтобы закончить роман, автор ограничивал себя в сочинительстве. Остались в набросках послесловие к журнальной редакции и предисловие к книжному изданию романа. Не было времени, чтобы осушествить всё, что было задумано. В черновом автографе Достоевский обстоятельнее, чем в печатном тексте, излагал содержание предсмертного письма Ставрогина, но в этих и других набросках нет никаких признаков того, что менялись судьба Ставрогина или сюжет романа. Судя по записным тетрадам, Достоевский предполагал только одну гла-

---

<sup>2</sup> Музей памяти Θεодора Михайловича Достоевскаго въ Императорскомъ Россійскомъ Историческомъ Музеѣ имени Императора Александра III въ Москвѣ. 1846—1903 гг. Составила А. Достоевская. Съ портретами и видами. С.—Петербургъ: Типографія П. Θ. Пантелѣева, 1906. С. 1.

ву с участием Тихона. Встреча с Тихоном раскрыла Ставрогина полностью, чем тот рассказал о себе в литературной исповеди.

Нет в печатном тексте и интригующей фразы, завершающей роман: «Послѣ Николая Всеволодовича оказались говорить какія то Записки[,] [но никому не извѣ] Я очень ищу их.

[Можетъ быть /и/ найду и если возможно будетъ]

Finis» (РГБ. Ф. 93.1.1.3/17. Л. 2 об.).

Это еще одна попытка автора вернуть главу в текст романа, на этот раз в книжном издании. Сам ли автор снял эту фразу или это еще одно свидетельство цензурного вмешательства Каткова, без белой рукописи можно лишь гадать.

Проблема, как издавать роман «Бесы», всегда стояла перед Анной Григорьевной Достоевской. Работая с мужем, стенографируя и переписывая главы романа, переживая вместе с ним злоключения главы «У Тихона» и конфликт с редакцией «Русского Вестника», помня, какое значение придавал этой главе автор, зная всю подоплеку творческой истории романа, она делала все возможное, чтобы глава была напечатана.

Анна Григорьевна постоянно предпринимала попытки издания отвергнутой Катковым главы, советовалась по этому поводу с друзьями и авторитетными критиками.

Одна из первых попыток этого рода — обращение к юристу А. Ф. Кони, который скептически отнесся к публикации главы, о чем он писал 12 апреля 1890 г.:

«Глубокоуважаемая

Анна Григорьевна

Возвращаю Вамъ съ великою благодарностью исповѣдь Ставрогина. Оцѣнивать подавляющую форму и глубокий психологическій интересъ этого отрывка — было бы излишне. У людей, хоть сколько нибудь чуткихъ въ художественномъ (и житейскомъ!) отношеніи — не можетъ быть двухъ мнѣній о значеніи всего, что писалъ Ф. М. — Но мнѣ думается, что «Бѣсы» не потеряли (Продолжение письма отсутствует. — *Ред.*)»

(РГБ. Ф. 93.1.5.105. Л. 13).

Ответ А. Ф. Кони не удовлетворил Анну Григорьевну.

В конце 1880-х гг. в кругу ее знакомых появился председатель Русского литературного общества П. Н. Исаков, роль которого в обсуждении отвергнутой главы вдова пояснила в своем комментарии:

«Къ письмамъ П. Н. Исакова.

Въ моемъ архивѣ сохраняется корректура главы изъ романа «Бѣсы», которую отказался напечатать Катковъ. Глава эта нигдѣ не напечатана. Она представляетъ большой психологическій интересъ. Узнавъ о выдающемся художественномъ значеніи этого отрывка, П. Н. Исаковъ, Предсѣдатель Русскаго Литературнаго Общества, просилъ меня дать ему возможность ознакомить съ нимъ Членовъ Литературнаго Общес-

ства. Я дала П. Н. просимый экземпляр (романа) ненапечатанной главы, она была прочитана въ многочленномъ собраніи Лит. О-ва и вызвала въ тѣ времена много разговоровъ и споровъ въ литературномъ кругу.

А. Д.»

(РГБ. Ф. 93.П.5.35. Л. 1).

А. Г. Достоевская не сразу нашла корректуру главы, о чем сообщила П. Н. Исакову:

«7 Января» / 92.

Глубокоуважаемый  
Петръ Николаевич!

Мнѣ приходится очень и очень извиняться предъ Вами, что я до сихъ поръ не доставила Вамъ ненапечатанной главы романа «Бѣсы». Всему виною шумная праздничная жизнь, которая не давала мнѣ времени отыскать присылаемую при семь тетрадь.

Повторяю мою усерднѣйшую просьбу, глубокоуважаемый Петръ Николаевич, не давать никому тетрадь ни для списыванія, ни для чтенія. Такую просьбу я обращала ко всѣмъ тѣмъ, кому приходилось давать главу для прочтенія. Я очень боюсь появленія невѣрныхъ, искаженныхъ списковъ.

Искренно Вамъ преданная /и/  
уважающая

А.<> Достоевская»

(РГАЛИ. Ф. 212.1.163. Лл. 2—3).

Вечер состоялся, читал критик С. А. Андреевский:

«27 Января» 1892.

Многоуважаемая  
Анна Григорьевна.

Я имѣлъ честь и счастье читать въ нашемъ Литературномъ Обществѣ двѣ неизданныя главы Федора Михайловича изъ «Бѣсовъ», набранныя шрифтомъ Катковского «Русскаго Вѣстника». Эти главы отличаются поразительною силою, глубиною и художественностью; онѣ принадлежать къ гениальнѣйшимъ страницамъ Вашего славнаго мужа. Впечатленіе на слушателей было потрясающее. Вамъ было-бы грѣшно, Анна Григорьевна, держать эти чудесные отрывки подъ спудомъ. Ихъ надо [подарить] дать русскому обществу. Вѣроятно, журналисты уже побывали у Васъ и выпрашивали эти сокровища. Если Вы еще не распорядились этою вещью, то позвольте мнѣ просить у Васъ ее для «Сѣвернаго Вѣстника». Въ редакціи мечтають приобрести ее у Васъ. Журналъ этотъ весьма достойный, — быть можетъ, еще не достаточно оцѣненный публикою, и появленіе въ немъ посмертнаго произведенія «Достоевскаго» будетъ важною для будущаго заслугою передъ читателями журнала.

Съ нетерпѣніемъ жду Вашего отвѣта, — надѣюсь, — благосклоннаго. Въ случаѣ Вашего колебанія, скажите мнѣ, въ какіе часы я могу

застать Васъ дома, напริมѣрь, — въ субботу. Ранѣе я занятъ. Лучше всего было-бы, еслибы Вы мнѣ отвѣтили теперь-же дозволеніемъ явиться къ Вамъ для переговоровъ кому-либо изъ редакціи “Сѣвернаго Вѣстника”.

Душевно-преданный Вамъ

С. Андреевскій»

(РГБ. Ф. 93.П.1.39. Лл. 4—5).

А. Г. Достоевскую взволновало предложение С. А. Андреевского, но безъ согласія опекуна детей К. С. Победоносцева она не могла принять решения. Тот не одобрил затею:

«Добрѣйшая Анна Григорьевна. Спѣшу возвратить вамъ листы присланные вами. Я прочелъ ихъ и нахожу что благоразумнѣе оставить ихъ подъ спудомъ. Они не прибавятъ ничего ни къ содержанию “Бѣсовъ”, ни къ литературной славѣ Ѳеодора Михайловича. Можно пожалѣть что они читаны были публик<ой>»

Душевно пред<анный>

К<.> Побѣдонос<цевъ>

14 февр<аля> 1892»

(РГБ. Ф. 93.П.7.96. Л. 10).

Сообщение огорчило С. Андреевского:

«Многоуважаемая

Анна Григорьевна.

Возвращаю Вамъ записку Г<осподина> Побѣдоносцева. Очевидно, на все это надо рукою махнуть. Очень жаль. Я вполне понимаю Ваше зависимое положеніе.

Душевно-преданный

С. Андреевскій

15 февр<аля> <18>92»

(РГБ. Ф. 93.П.1.39. Л. 6).

Одних Анна Григорьевна знакомила с содержанием главы сразу, которым приходилось ждать годами.

Настойчив в своих просьбахъ былъ В. В. Розанов, но она долго не допускала его къ чтенію главы.

В мае 1893 г. он писал:

«Глубокоуважаемая

Анна Григорьевна!

Простите, что я ввелъ Васъ въ напрасныя хлопоты по отысканію остатковъ Записной Книжки и сцѣны изъ “Бѣсовъ” Ѳеодора Михайловича; но будьте добры, не откажитесь осенью привезти ихъ изъ Москвы; — я не рѣшился бы объ этомъ просить Васъ, если-бы Вы уже не выразили желаніе это сдѣлать — въ письмѣ Вашемъ. Свидѣтельству глубокаго почтенія Вамъ и дѣтямъ Вашимъ,

остаюсь преданный Вамъ

В. Розановъ.

Быть может осенью Вы будете имѣть уже другой адресъ, и, сверхъ сего, я не буду знать /о/ Вашемъ прїѣздѣ въ Спб., — по этому не откажитесь извѣстить меня по прїѣздѣ сюда по адресу: *Здѣсь, Петербургская сторона, Павловская ул., д. 2, кв. 24. В. В. Розанову*»  
(РГБ. Ф. 93.П.8.39а. Л. 1).

Он уговаривал вдову в письме от 14 февраля 1896 г.:

«Глубокоуважаемая

Анна Григорьевна!

Обращаюсь къ Вамъ съ самой глубокой, тревожной и вмѣстѣ надѣющейся просьбой, безъ мысли, что Вы въ ней мнѣ откажете. Вы были женой Ѳедора Михайловича, — и вѣрной, преданной, устроившей послѣдніе годы его жизни женой; мнѣ выпало быть кажется наиболѣе упорнымъ толкователемъ его мыслей. Дѣло въ томъ, что я задумалъ и началъ выполнять очень обширное сочиненіе, куда огромною составною частью войдутъ 4 нашихъ мистика-писателя: Гоголь, Лермонтовъ, Ѳ. М. Достоевскій и Л. Н. Толстой — изъ нихъ Ѳ. М., какъ наиболѣе изъ нихъ темный, не разгадываемый и сложный — [да] войдетъ наиболѣе значительно. Какъ маленькій намекъ — скажу только, что «Сонъ смѣшного человѣка» весь — т. е. въ своемъ полетѣ на новое небо и другую землю — вошелъ уже въ мое изслѣдованіе. Теперь мнѣ непременно нужно имѣть и по крайней мѣрѣ прочесть рассказъ Ставрогина, о коемъ Вы мнѣ передавали, что онъ *содержитъ* его собственную передачу о растлѣніи 14 лѣтней дѣвушки. Простите, что я Вамъ пишу подробно — но это очень важно для дѣла, и Ѳ. М. зналъ лучше своихъ критиковъ и совѣтчиковъ, [когда это написалъ] что ему нужно было писать. Дѣло въ томъ, что — [я увѣр] эпизодъ этотъ вовсе не случаенъ: въ «Снѣ смѣшного человѣка» — тоже бѣгаетъ «обиженная» 11 лѣтняя дѣвочка; Свидригайлову 2 сна снятся этого содержанія; но нигдѣ — рассказа. *субъективной* передачи. Въ «Преступленіи и Наказаніи» Свидригайловъ дѣлаетъ попытку изнасиловать Дуню Раскольникову, но — онъ подходитъ къ ней, и ничѣмъ дѣло не кончается. Для особыхъ цѣлей моего изслѣдованія мнѣ пришлось взять всю эту сцѣну — страницъ 8 — огромнаго напряженія страсти у Свидригайлова; но Дуня — взрослая, и судя по всѣмъ работамъ Ѳ. М.[,] — именно въ пропущенной сцѣнѣ Ставрогина съ дѣвочкою, и при субъективной его передачѣ, этотъ мнѣ нужный мотивъ былъ выраженъ Ѳ. М.—чемъ наиболѣе глубоко, пронизательно и психологически понятно. Уже въ сцѣнѣ съ Шатовымъ Ставрогину говорить первый: «а правда-ли, что Вы нашли совпаденіе полюсовъ, что Вы говорили, будто не знаете разницы между какимъ угодно подвигомъ и жертвою на пользу человѣчества и самую сладострастную звѣрскую выходкой» — и разумѣется это растлѣніе [не] подростка. Теперь — въ пропущенной главѣ очевидно психологическая разгадка этихъ тайнъ. И любящая жена великаго человѣка — непременно, всенепременно поѣдетъ въ Москву, возьметъ этотъ отрывокъ и привезетъ его любящему критику великаго писателя. Да

Вы можете и приказать выслать Вамъ на время рукописи, или потребовать ихъ копии, а [б]/л/учше конечно — самой поѣхать, выбрать любопытное и привезти мнѣ. Я же какъ чиновникъ, да и просто какъ человекъ — абсолютно ничего этого не могу. Главу же я вѣроятно ввель-бы въ свое изслѣдованіе. О томъ, что я его пишу — ради Бога полный секретъ, абсолютная тайна. Вашъ глубоко преданный

В. Розановъ.

Адресъ: Петербургская сторона, Павловская улица, домъ 2 кв. 24. — Простите, что написалъ Вамъ нѣсколько спутанно — отъ того, что “половъ ротъ дѣла”.

(РГБ. Ф. 93.П.8.39а. Лл. 11—12).

14 ноября 1896 г. он снова повторил просьбу:

«Глубокоуважаемая

Анна Григорьевна!

Будьте добры, сообщите мнѣ, когда я могъ-бы, не отнимая у Васъ нужного времени, поспѣть Васъ и посмотрѣть остатки *Дневника* и неизданную главу *Бѣсовъ* покойнаго мужа Вашего. У меня *не* заняты службою только утреннее время до 11 часовъ, и вечеръ, и мнѣ хотѣлось-бы быть у Васъ вечеромъ, часовъ отъ 8; или въ крайности отъ 6 1/2 вечера. Простите, что я Васъ беспокою этою просьбою.

Вамъ искренно преданный

В. Розановъ.

Адресъ: Спб., Петербургская сторона, Павловская ул., д. 2, кв. 24. Василью Васильевичу Розанову»

(РГБ. Ф. 93.П.8.39а. Л. 13).

Судя по всему, главу «У Тихона» критик прочитал.

9 декабря 1902 г. с письмом А. Г. Достоевской обратился критик А. Л. Волынский:

«Милостивая Государыня.

Анна Григорьевна,

Приступая къ обширной критической работѣ надъ “Бѣсами” *Ф. М. Достоевскаго*, осмѣливаюсь обратиться къ Вамъ съ нижеслѣдующею просьбою. Мнѣ приходилось слышать отъ людей, заслуживающихъ полного довѣрія, что Вы имѣете нѣкоторыя дополнительныя страницы къ названному роману, которыя до сихъ поръ, по цензурнымъ или какимъ другимъ соображеніямъ, не опубликованы. Если Вамъ какимъ нибудь образомъ стали извѣстны другія мои работы о *Ф. М. Достоевскомъ* (статьи объ “Идіотѣ” и “Царство Карамазовыхъ”, напечатанныя въ “Спб. Вѣдомостяхъ” и потомъ вышедшія отдѣльной книгой), Вы знаете, съ какимъ благоговѣніемъ я отношусь къ Вашему мужу. Что касается “Бѣсовъ”, то я считаю это произведеніе самымъ труднымъ для анализа, и насколько я, по слухамъ, знакомъ съ содержаніемъ пропущенной въ печати главы, я полагаю, что прочтеніе ея помогло-бы мнѣ провѣрить нѣкоторыя мои мѣста. Я считалъ бы величайшимъ одолженіемъ съ Вашей стороны, если-бы Вы дали мнѣ воз-

возможность, такъ или иначе, познакомиться съ этими драгоценными страницами — не для использования ихъ въ печати, а только для укрѣпленія въ тѣхъ догадкахъ относительно личности Ставрогина, которыя шевелятся у меня при чтеніи “Бѣсовъ”. Крайне меня обяжете скорымъ отвѣтомъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ

А. Волинскій»

(РГБ. Ф. 93.П.2.48. Лл. 1-2;

черновой автограф РГАЛИ. Ф. 95.1.187. Лл. 1-1 об.).

Получить главу для чтенія было не просто — приходилось убеждать:

«Милостивая Государыня,

Глубокоуважаемая Анна Григорьевна,

Позвольте принести Вамъ мою сердечную благодарность за Вашу добрую готовность дать мнѣ прочесть корректуру драгоценныхъ страницъ изъ пропущенной главы “Бѣсовъ”. Работа моя затянется на нѣсколько мѣсяцевъ, ибо теперь я нахожусь только въ самомъ началѣ ея, такъ что въ мартѣ мнѣ не будетъ поздно прочесть и изучить ее въ интересахъ самой работы, не говоря уже о личномъ интересѣ. Ожидаю отъ чтенія этой главы великой для себя пользы.

Глубоко тронуть Вашими сочувственными словами о моихъ статьяхъ, писанныхъ съ исключительною любовью къ произведеніямъ Вашего покойнаго мужа. Я изучаю ихъ цѣлыми годами и постоянно вновь и вновь возвращаюсь къ нимъ. Такъ и теперь я занятъ изученіемъ “Бѣсовъ” и пишу объ этомъ романѣ, загадочномъ и великомъ, со всѣмъ напряженіемъ моихъ умственныхъ силъ. Если-бы это могло представить для Васъ интересъ, я былъ бы радъ познакомить Васъ съ тѣми или другими частями моей работы еще до появленія ихъ въ печати и выслушать Ваши замѣчанія. Съ другой стороны, еслибы я могъ въ какомъ нибудь отношеніи быть Вамъ полезнымъ въ Вашихъ собственныхъ трудахъ по устройству Музея, печатанію каталога и т. п., то я счелъ-бы это для себя за великую честь.

Съ истиннымъ уваженіемъ

А. Волинскій.

Декабря 14, 1902.

Загородный 23 кв. 45»

(РГБ. Ф. 93.П.2.48. Лл. 3-4;

черновой автограф: РГАЛИ. Ф. 257.1.176. Лл. 1-2).

Приходилось ждать:

«Глубокоуважаемая

Анна Григорьевна,

Вѣроятно, Вы не забыли о Вашемъ добромъ обѣщаніи дать мнѣ возможность прочесть не опубликованную главу изъ “Бѣсовъ”. Работа моя совершенно окончена, но прежде чѣмъ отдавать ее въ печать, я очень хотѣлъ-бы провѣрить нѣкоторые мои выводы при помощи этой

главы. Завтра я ѣду въ Москву и потому прошу Васъ либо дать мнѣ возможность прочесть ее тамъ, либо, если она теперь при Васъ, указать мнѣ, какимъ способомъ я могъ бы познакомиться съ нею по возвращеніи въ Петербургъ къ 1 Мая.

Съ истиннымъ уваженіемъ  
А. Волынской.

Загородный д. 23 кв. 45.  
15 Апрѣля 1903»

(РГБ. Ф. 93.11.2.48. Лл. 5–6).

Снова ждать:

«Глубокоуважаемая  
Анна Григорьевна,

Хочу Вамъ сообщить, что я уже здѣсь и жду съ величайшимъ нетерпѣніемъ возможности ознакомиться съ рукописью Вашего мужа. Работа моя, подъ названіемъ "Книга великаго гѣва", вся готова. Часть ея переводится въ настоящее время на нѣмецкій языкъ.

Съ истиннымъ уваженіемъ  
А. Волынской

Загородный 23 кв. 45.  
1903. Мая 26»

(РГБ. Ф. 93.11.2.48. Л. 7).

То, что так долго тянулась выдача главы, было следствием некоторых семейных обстоятельств. Дети Люба и Федор были против ее публикации. Корректуру главы Анна Григорьевна хранила у себя, всем настойчивым просителям говорила, что хранит в Москве в Музее памяти Достоевского.

Объясняя эту интригу, она писала племяннику А. А. Достоевскому в мае 1903 г.:

«Глубокоуважаемый  
Андрей Андреевич!

Позвольте мнѣ напомнить Вамъ о Вашемъ обѣщаніи п[о]п[р]ѣхать посмотреть вмѣстѣ съ нами Тортояду. Мы взяли ложу на понедѣльникъ, 19 Мая, идетъ оперетка "Птички пѣвчія" съ Вяльцевой. Милости просимъ въ ложу, прилагаю купонъ бель этажа № 4. Не откажитесь прислать открытку, чтобы мы знали что письмо до Васъ дошло.

Теперь перехожу къ одной моей усердной просьбѣ которая должна остаться неизвѣстной другимъ. Вотъ въ чемъ дѣло: Вы [зна] слышали, вѣроятно, что существуетъ отрывокъ изъ "Бѣсовъ", который по нѣкоторымъ обстоятельствамъ не можетъ быть напечатанъ. По поводу этого отрывка было такъ много у насъ разговоровъ и споровъ, что мы (Федя<.> Лиля и я) рѣшили лучше этотъ отрывокъ никому не показывать. Но тутъ вышла такая оказія: Волынской пишетъ статью о "Бѣсахъ" и убѣдительно проситъ дать ему возможность ознакомиться съ

отрывкомъ. Т. к. у меня лично нѣтъ разумныхъ основаній къ отказу, то я общала Волынскому дать ему возможность прочесть его. Но какъ это устроить? Такъ какъ я нахожусь подъ контролемъ Л. Ѳ., то пригласить его къ себѣ — немислимо. Не назначать же мнѣ ему [д] /р/андеву у Донона для этого чтенія? Вотъ я и рѣшила прибѣгнуть къ Вашему покровительству и прошу Вамъ это мнѣ разрѣшить. Я думала бы поступить такъ: я пришлю къ Вамъ корректуры отрывка посылкою съ доставкою Вамъ на домъ. Затѣмъ напишу Волынскому изъ Москвы, /въ июнѣ/ что корректуры находятся у Васъ и чтобъ онъ побывалъ у Васъ гдѣ /и когда/ Вы ему назначите. Всего-бы удобнѣе въ Географическомъ Обществѣ. Когда онъ явится, Вы дадите ему прочесть (займетъ часть времени), но попросите его (это я поставлю ему условіемъ въ моемъ письмѣ къ нему) чтобы онъ ничего изъ отрывка не выписывалъ. (Но ради Бога не соглашайтесь дать ему корректуры эти на домъ. Онъ ихъ спишетъ, пойдутъ копіи да перекопіи, и кто нибудь возьметъ да напечатаетъ и тогда Ѳедя и Лиля сживутъ меня со свѣту. Я это серьезно говорю и прошу не выпускать ни на часть изъ рукъ этихъ корректуръ. Была-бы очень Вамъ признательна, еслибъ Вы ему назначили такое время, когда Вы могли бы присутствовать в[ъ]/о/ время его чтенія и такимъ образомъ могли-бы убѣдиться, что онъ ничего не выписать).

Если Вы сочтете /мою просьбу/ неудобн[ымъ]/ою/ для себя, то скажите въ понедѣльникъ, въ отвѣтъ на мой вопросъ: поѣдемъ ли вмѣстѣ за границу — не поѣду. А если соглашается обязать меня, то отвѣтите — поѣду, непременно. Подумаешь, сколько хитростей приходится выдумывать человѣку чтобъ избѣгнуть столкновений! Что поѣлаешь

Искренно преданная и заранее благодарная А<.> Достоевская.>

<К письму приложена визитная карточка.>

Анна Григорьевна Достоевская

Христосъ воскресъ!»

(РГБ. Ф. 93.11.3.48. Лл. 8—9 об.).

С этихъ пор хранителемъ главы стал А. А. Достоевский, у которого А. Г. Достоевская прятала корректуру гранок «Русского Вестника». Секретные отношения и интриги по поводу главы имели свои литературно-критические последствия:

«Глубокоуважаемая

Анна Григорьевна!

Ваши слова о "Книге великаго гнѣва" чрезвычайно дороги мнѣ — особенно то, что относится къ моимъ статьямъ о Ставрогинѣ. Я боялся, что Вы найдете мои сужденія невѣрными. Не могу не принести

Вамъ моей глубокой благодарности за то, что Вы дали мнѣ возможность прочесть ненапечатанную главу изъ "Бѣсы". Это нѣчто изумительное по содержанію и по своему идейному интересу. Мнѣ хотѣлось тогда-же выразить Вамъ свою благодарность и обратить Ваше вниманіе на то, что въ корректурахъ не хватаетъ одной гранки. Было-бы просто несчастьемъ, если бы она не отыскалась.

Отъ души желаю Вамъ добраго здоровья и всего хорошаго.

Съ глубокимъ уваженіемъ

А. Волинскій.

Спб. Пушкинская, Пале-Рояль, к. 157.

1903. Декабря 31»

(РГБ. Ф. 93.П.2.48. Лл. 9-10).

Издание подготовительныхъ материаловъ къ «Бесамъ» в пятомъ томѣ юбилейнаго Полнаго собранія сочиненій Достоевскаго стало событіемъ в литературной жизни Россіи. Одинъ изъ техъ, кто это оцѣнилъ и за то благодарилъ вдову, былъ В. В. Розановъ:

«/1906 г./

(Годъ проставленъ рукой А. Г. Достоевской. Дату письма можно уточнить: в 1906 г. Пасха праздновалась 2 апрѣля. -- *Ред.*)

Во-Истину Воскресе!

Глубокоуважаемая

Анна Григорьевна!

Горячо благодарю Васъ за цѣнный подарокъ. "Матерьялы" къ "Бѣсамъ" страшно цѣнны, — хотя очень много корректурныхъ ошибокъ въ нихъ (въ знакахъ препинанія), мѣшающихъ иногда понимать текстъ. Но все очень интересно. Статья С. Н. Булгакова положительно прекрасна: лучшее что я у него читалъ» (РГБ. Ф. 93.П.8.396. Л. 13).

Успокаивалъ В. В. Розановъ Анну Григорьевну и по поводу сплетенъ, которые тревожили вдову:

«На счетъ слуховъ въ обществѣ о Ѳ. М. — не безпокойтесь. *Этихъ* именно слуховъ я не слыхалъ, но предоставьте равнодушно вѣтру нести и носиться: таково существо вѣтра и вѣтрености» (Тамъ же. Л. 13).

Что имеется в виду подъ «*этими*» слухами, понятно изъ намека: были те, кто приписывалъ Достоевскому преступленіе Ставрогина. Эта истія восходитъ къ семидесятымъ годамъ, къ конфликту Достоевскаго съ редакціей «Русскаго Вѣстника» по поводу печатанія главы «У Тихона». На эту тему было несколько литературныхъ анекдотовъ съ участіемъ Григоровича и Тургенева. И «слухи», и «анекдоты» не состоятельны, они не выдерживаютъ критической проверки фактами. Это заурядная клевета литературныхъ враговъ и недруговъ Достоевскаго (Захаровъ 1978, 75--109).

После выхода тома юбилейнаго изданія «Бесовъ» интрига съ храненіемъ главы «У Тихона» потеряла свою остроту, и некоторое время спустя Анна Григорьевна обратилась къ А. А. Достоевскому съ еще одной просьбой:

«8 янв<аря> 1908.

Одинъ литераторъ, прочитавъ въ 8<sup>мъ</sup> томѣ бесѣду Тихона съ Ставрогинимъ, умоляетъ меня дать ему прочесть исповѣдь Ставрогина. Онъ столько разъ мнѣ объ этомъ говорилъ, а я столько разъ откладывала, что наконецъ приходится дать ему прочитать.

[Ро] Корректуры этой "Исповѣди" находятся у Васъ (той самой, которую Вы давали читать Волынскому.) Если Вы соберетесь ко мнѣ въ любое воскресенье, то захватите корректуры съ собою. Буду Вамъ очень благодарна и за храненіе оригинала и за его возвращеніе.

(РГБ. Ф. 93.П.3.52. Лл. 1—1 об.).

О ком идет речь?

Возможно, о С. Н. Булгакове, который спрашивал А. Г. Достоевскую в письме от 3 сентября 1906 г.:

«Я взялъ у Волковой всѣ имѣющіеся у ней томы *шестого* изданія, слѣдов<ательно>, имѣю и ["Отрывки["] изъ "Бѣсовъ" (Неужели нѣтъ продолженія этой главы?)» (РГБ. Ф. 93.П.1.120. Л. 7 об.).

Возможно, кто-то еще.

По документам, случайно сохранившимся в архиве Достоевских, в круг посвященных в историю с отвергнутой главой и читавших исповедь входили К. П. Победоносцев, А. Ф. Кони, П. Н. Исаков, С. А. Андреевский, А. Л. Волынский, С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, Л. Ф. Достоевская и Ф. Ф. Достоевский, А. А. Достоевский, московская родня Е. П., С. А. и М. А. Ивановы. Как следует из письма Л. Н. Толстому от 28 ноября 1883 г., читал главу и Н. Н. Страхов<sup>3</sup>.

До 1905 г. А. Г. Достоевская публиковала роман «Бесы» в редакции 1873 г., в которой отсутствовала глава «У Тихона».

Ее публикация романа в юбилейном издании Полного собрания сочинений была временным решением сложной текстологической проблемы: из трех главок она издала только первую, отложив полную публикацию на будущее.

<sup>3</sup> Публикация этого письма в октябрьской книжке журнала «Современный Миръ» за 1913 г. стала потрясением для вдовы. Она не могла поверить, что давний знакомый, столовавший у них по воскресеньям, друг, соратник, был пошлым сплетником и подлым клеветником. То, что он написал о Достоевском, нельзя расценить иначе как сплетню: «Его тянуло к пакостям и он хвалился ими. Висковатов стал мне рассказывать, как он похвалялся, что соблудил в бане с маленькой девочкой, которую привела ему гувернантка» (Толстой Страхов 2003, II, 652). Именно так ведут себя сплетники и клеветники: сам не знаю, не был при этом, но слышал от другого. Как и о чем говорил Висковатов, непонятно, но тот тоже переносил «слух» (Захаров 1978, 95—97). Последние годы жизни А. Г. Достоевской были омрачены необходимостью опровергать страховскую клевету.

В двадцатые годы глава «У Тихона» была издана полностью: по гранкам «Русского Вестника» ее опубликовал В. М. Фриче<sup>4</sup>, по списку А. Г. Достоевской — В. Л. Комарович<sup>5</sup>.

После этих публикаций остро встала проблема целостного текста. Глава «У Тихона» дошла до нас в двух дефектных источниках. В *Гранках* утрачена пятнадцатая полоса (объемом в две страницы), в *Списке* нет окончания. В свою очередь, *Гранки* дают два варианта главы: первый исходный, завершенный и представленный для декабрьской книжки «Русского Вестника» за 1871 г., второй представляет собой незавершенную *Правку*, содержащую исправления, вставки, сокращения, нередко варианты без авторского выбора одних и тех же фраз, мыслей, подробностей.

*Список* заметно отличается от *Гранок* и *Правки*. Если *Правка* развивает художественный смысл *Гранок* и содержит наброски для доработки главы, то *Список* является завершенной переработкой *Гранок*, которая должна была, по мысли Достоевского, снять претензии Каткова. Первая часть оставлена без изменений: не учтена даже незначительная правка гранок. Существенной переработке подверглась вторая и особенно третья части. Чтобы удовлетворить ханжеским претензиям Каткова, во второй части главы появляется эпизод с «изъятием второго листка» исповеди (в тексте *Гранок* сокращение коснулось всего 22 строк). Ослаблен демонизм Ставрогина. Так, в эпизоде с «потерянным» ножиком намеренное становится случайным. Снимаются другие циничные прегрешения Ставрогина. Из злодея Ставрогин превращается в «праздного барича». Оставлен лишь эпизод с Матрешей и женитьба на Марье Лебядкиной — два мотива, получившие развитие в сюжете романа: исповедь дает им точный смысл. Радикальной переработке подверглась третья часть: усложнился психологический анализ исповеди Ставрогина — исповеди без покаяния; психологическая проницательность Тихона раскрывает такие тайны души Ставрогина, о которых тот и не подозревал. Эту часть *Списка* Достоевский перерабатывал не по настоянию Каткова, а из художественной потребности.

Все редакции отражают разные стадии работы. В *Гранках* дана начальная редакция. Текст *Гранок* существенно переработан в *Правке* и в *Списке*. *Список* характеризует финальную стадию работы Достоевского.

Почти во всех публикациях главы «У Тихона» приняты контаминации *Гранок* и *Списка*.

<sup>4</sup> Документы по истории литературы и общественности. Вып. 1. Ф. М. Достоевский. М.: Издательство Центрахива Р. С. Ф. С. Р. 1922. С. 3–40.

<sup>5</sup> Исповедь Ставрогина. Глава из романа «Бесы» (Из собраний Пушкинского Дома). Вступит. статья В. Л. Комаровича // *Былое*. 1922. № 18. С. 227–252.

Б. В. Томашевский, взяв за основу *Список*, в ряде случаев исправляет его по *Гранкам* или по *Правке*.

Текстолог предложил спорное решение: отсутствующее в *Списке* окончание главы восполнено редакторской контаминацией *Гранок* и *Правки*. В ряде случаев он принимает правку автора, но несколько раз в небольшом тексте восстанавливает абзацы, вычеркнутые в шестнадцатой полосе *Гранок*, и произвольно соединяет их с авторской правкой.

Не всегда это исправление удачно. Так, восстанавливая вычеркнутый текст, Б. В. Томашевский не восстанавливает утраченный контекст.

Начинается вставка двумя вычеркнутыми фразами:

«Он изломанно усмехнулся.

— Нет, не та эпитимья, я другую готовлю! — с жаром продолжал Тихон, не обращая ни малейшего внимания на смех и замечание Ставрогина» (*Д13*, VII, 585).

Возникла неясность: какая эпитимья была «та»? О ней шла речь в предыдущей реплике, но там она заменена другими словами «*неправда-ли*». Текстолог не устранил несоответствие двух редакций.

Далее следует текст, близкий *Правке*:

«Ставрогин выслушал серьезно. Бледные щеки его даже покрылись румянцем.

— Вы предлагаете мне вступить в монахи в тот монастырь? — спросил он.

— Вам не надо быть в монастыре, не надо постригаться, будьте только послушником тайным, неявным, можно так, что и совсем в свете живя...

— Оставьте, отец Тихон, — брезгливо прервал Ставрогин, и поднялся со стула. Тихон тоже.

— Что с вами? — вскричал он вдруг, почти в испуге всматриваясь в Тихона. Тот стоял перед ним, сложив перед собою вперед ладонями руки, и болезненная судорога, казалось, как бы от величайшего испуга прошла мгновенно по лицу его.

— Что с вами? что с вами? — повторял Ставрогин, бросаясь к нему, чтоб его поддержать. Ему показалось, что тот упадет.

— Я вижу... я вижу как наяву, — воскликнул Тихон пронизающим душу голосом и с выражением сильнейшей горести, — что никогда вы, бедный погибший юноша, не стояли так близко к новому и еще сильнейшему преступлению, как в сию минуту!

— Успокойтесь, — упрямивал решительно встревоженный за него Ставрогин, — я может быть еще отложу... вы правы... я не обнародую листки... успокойтесь.

— Нет, не после обнародования, а еще до обнародования за день, за час может быть до великого шага, ты бросишься в новое преступление, как в исход, и совершишь его единственно, чтобы только *избежать* сего обнародования листков, на котором теперь настаиваешь» (*Д13*, VII, 585—586).

В финале главы текстолог оставил без внимания авторскую правку Достоевского. В исправленном тексте Тихон укорял Ставрогина, что тот на обнародовании листков «съ гордынею бѣса» настаивает (С. 789).

Фраза: «Ставрогин даже задрожал от гнева и почти от испуга» — вычеркнута.

Вместо нее в *Правке* дан другой текст:

«Безмѣрная гордость изобразилась въ лицѣ Ставрогина. Губы его дрожали. Но едва почти выговорилъ» (С. 789).

Последний абзац совпадает в *Гранках* и *Правке*.

«— Проклятый психологъ! оборвалъ онъ вдругъ въ бѣшенствѣ и не оглядываясь вышелъ изъ кельи» (С. 740, 789).

В результате сомнительного текстологического решения Томашевского возник редакторский текст, который не имеет ничего общего с авторской волей.

Л. П. Гроссман, чтобы сгладить несостыковку текста из-за лакуны, образовавшейся между 14 и 16 полосами *Гранок*, также правит текст Достоевского.

Он ставит многоточие в конце 14-й гранки: «По евангелію больше преступленія нетъ и...» (*Бесы* 1935, 485). Обращаясь к *Списку*, он выбрасывает два абзаца:

«— Мнѣ нѣтъ прошенія, мрачно сказалъ Ставрогинъ, — въ вашей книгѣ сказано, что выше преступленія нѣтъ, если оскорбить “единого отъ малыхъ сихъ” и не можеть <быть>. Вотъ въ этой книгѣ!

Онъ указалъ на Евангеліе» (С. 825).

Далее следует текст *Списка*. Перед 16-й полосой *Гранок* Гроссман сокращает последний абзац *Списка*, оставляя небольшой фрагмент:

«— Какъ болезненно вы это все принимаете и какую даете цену... Впрочем, поверьте, что я сумею оценить, вежливо, но какъ бы брезгливо проговорилъ Николай Всеволодовичъ» (*Бесы* 1935, 487).

И переходит к тексту *Гранок*.

В целом контаминация Гроссмана имеет тот же недостаток, что и версия Томашевского: исследователь произвольно выбирал или отвергал авторскую правку на гранках, редактировал *Список*, его контаминация — попытка совмещения на основе *Гранок* *Правки* и *Списка*.

Т. И. Орнатская в Полном собрании сочинений Достоевского в тридцати томах взяла за основу контаминации текст *Гранок* (Д30. XI, 5—30).

Первый стык в данной публикации представляет собой оборванную реплику в последнем абзаце *Гранок* и конец первого абзаца *Списка* с редакторским добавлением слова «<быть>» (окончание фразы выделено мною жирным шрифтом — В. З.):

«— Кстати, Христосъ ведь не простит, — спросилъ Ставрогин, и в то- не вопроса послышался легкий оттенок ироніи, — ведь сказано в книгѣ: “Если соблазните единого отъ малыхъ сихъ” — помните? По Еванге-

анию, большие преступления нет и не может <быть>. Вот в этой книге!

Он указал на Евангелие» (ДЗО, XI, 28).

На стыке 16-й полосы *Гранок* снят последний абзац *Списка*:

«— Какъ болѣзненно вы это все принимаете и какую даете цѣну... Впрочемъ, повѣрьте что я сумѣю оцѣнить... вѣжливо, но какъ бы брюзгливо проговорилъ Николай Всеволодовичъ. — Я замѣчаю вамъ очень хочется поставить мнѣ ловушку, — безъ сомнѣнія съ самою благородною цѣлю, изъ желанія добра и челоуѣколюбія. Вамъ хотелось бы, чтобъ я остепенился просто, безъ фокусовъ и безъ листковъ, пожалуй женился бы и кончилъ жизнь членомъ здѣшняго клуба, посѣщая по праздникамъ вашъ монастырь; не правда-ли? А, впрочемъ вы, какъ сердцеуѣдъ и циникъ, можетъ и предчувствуете, что это несомнѣнно такъ и будетъ, и все дѣло только за тѣмъ чтобы меня теперь хорошенько поупросить для приличія, такъ какъ я самъ только того и жажду чтобы быть упрощеннымъ, не правда-ли? Бьюсь объ закладъ, что вы имѣли тоже въ виду мою мать и ея спокойствіе...» (С. 828).

Вместо этого абзаца восстановлен текст, зачеркнутый автором в 16-й полосе *Гранок*:

«— Просто-запросто вам очень не хочется скандала, и вы ставите мне ловушку, добрый отче Тихон, — небрежно и с досадой промямлил Ставрогин, порываясь встать. — Короче, вам хочется, чтобъ я остепенился, пожалуй, женился и кончилъ жизнь членомъ здѣшняго клуба, посѣщая каждый праздникъ вашъ монастырь. Ну, эпитимья! А впрочем, вы, какъ сердцеуѣд, может, и предчувствуете, что это ведь несомненно так и будет и всё дело за тем, чтобы меня теперь хорошенько поупросить для приличія, так какъ я самъ только того и жажду, не правда ли?

Он изломанно рассмеялся.

— Нет, не та эпитимья, я другую готовлю! — с жаром продолжал Тихон, не обращая ни малейшего внимания на смех и замечание Ставрогина. — (Далее следует текст *Гранок*. — В. 3.)» (ДЗО, XI, 29).

Аутентичное воспроизведение текста *Гранок* и *Списка* дано в двух моих изданиях романа (*Бесы* 1990, 618—679; Д18, IX, 465—521).

Любая контаминация произвольна и ушерба.

Возможны ли оптимальные решения?

От ответа на этот вопрос зависит эдиционная практика: включать или не включать отвергнутую главу в текст романа.

Есть разные издания «Бесов».

Есть издания без исповеди Ставрогина. Начало им положил сам Достоевский, выпустив в 1873 г. единственное прижизненное издание «Бесов».

Б. В. Томашевский вслед за А. Г. Достоевской включил главу «У Тихона» в качестве приложения к редакции 1873 г.

В 1935 г. Л. П. Гроссман включил главу «У Тихона» в текст романа. Сохранились единичные экземпляры первого тома «Бесов» в из-

дании 1935 г., тираж которого был уничтожен, набор второго тома рассыпан в типографии.

Издание было задумано Л. П. Гроссманом, выходило под его редакцией, он написал вступительную статью, подготовил комментарии. Впрочем, в книге был еще автор предисловия «Классовое лицо Достоевского» Петр Павлович Парадизов (1906 — 20 июня 1937). Ему не было 29-ти лет, но именно ему, старшему научному работнику Института Коммунистической академии при ЦИК СССР, было поручено написать предисловную статью, в которой он должен был дать марксистскую трактовку антиинигилистического романа.

П. П. Парадизов талантливо справился с политическим заказом. Он не ругает и не клеймит Достоевского, его статья исполнена искренним уважением к писателю. Автор образован, эрудирован, начитан в философской критике второй половины XIX — начала XX вв., убежден в правоте марксизма.

Вот его вывод из «классового» анализа Достоевского:

«В заключение скажем, что если всякий серьезный писатель требует к себе активного отношения в процессе чтения его произведений, то эта активность должна быть удешевлена при чтении Достоевского. Читать его — значит вступать с ним в борьбу.

Но борьба эта плодотворна. Она проведет читателя через всю сумму аргументов против революции и социализма, которые смог мобилизовать один из гениальнейших художников XIX века, покажет внутреннюю несостоятельность этих аргументов и, таким образом, еще раз подтвердит несокрушимость теоретических и психологических основ социализма даже для самых “сокрушительных” по внешности ударов» (Бесы 1935, ХLI).

Чтобы так спорить с гением, нужно вдохновляться его творчеством. Критик утверждает: *чтение Достоевского плодотворно*. Вместо классовой борьбы и ее обострения автор статьи предлагает интеллектуальный диалог, переносит модель творческого мышления писателя и его опыт *pro et contra* в политику. Эта идея не осталась без последствий.

Судьба издания была predetermined несколькими политическими обстоятельствами. 16 декабря 1934 г., вскоре после убийства Кирова и начала новой волны репрессий, арестован директор издательства «Academia» Л. Б. Каменев. 20 января 1935 г. вышла разносная статья, которую написал критик-погромщик Д. И. Заславский по поводу политики издательства и реакционного романа Достоевского<sup>6</sup>. Ему возразил и пробовал защитить издание М. Горький<sup>7</sup>, но последнее слово оста-

<sup>6</sup> Заславский Д. Литературная гниль. Заметки читателя // Правда. 1935. 20 января.

<sup>7</sup> Горький М. Об издании романа «Бесы». Заметки читателя // Правда. 1935. 24 января.

лось за критиком и публицистом партийной газеты<sup>8</sup>. Через неделю 2 февраля 1935 г. П. П. Парадизов был арестован.

Связь между арестом Каменева, погромными статьями Заславского и арестом Парадизова очевидна. Два года П. П. Парадизов был в тюрьме под следствием. За это время прокатилось еще несколько волн репрессий, в 1935 г. приговорен сначала на пять, потом на десять лет тюрьмы, а 25 августа 1936 г. расстрелян Л. Б. Каменев, упразднено само издательство «Academia». Обычно, чтобы осудить арестованного, не требовалось длительного заключения. В конце концов П. П. Парадизов был осужден Военной коллегией Верховного Суда СССР от 19 июня 1937 г. за участие «в контрреволюционной террористической организации» и расстрелян 20 июня 1937 г.

Говорят, в 1930-е годы за чтение «Бесов» сажали.

П. П. Парадизов был, пожалуй, единственным исследователем Достоевского, которого за «Бесов» расстреляли.

В предисловии от издательства сказано, что «издательство “Academia” ставило себе задачей дать наиболее полный, критически сверенный с сохранившимися рукописями текст, дополнив его вариантами из автографа третьей части романа и всех материалов по так называемой “Исповеди Ставрогина” (т. е. выпущенной в свое время главы “У Тихона”», а также сопроводить издание вступительным комментарием по всем основным темам знаменитого романа-памфлета» (*Бесы 1935*, VII).

Программа книги обширна, многое из заявленного должно было войти во второй том: рукописные источники, исторические, историко-литературные и текстологические этюды, справочный аппарат (алфавитный комментарий к именам, заглавиям, терминам, названиям и цитатам).

В издании дана оригинальная текстология: «В выборе текста романа редакция отступила от традиции воспроизведения “Бесов” по отдельному изданию 1873 года. Ставя себе задачей дать наиболее полный текст романа, ближе всего соответствующий воле автора в момент создания его произведения, мы остановились на “первом издании” “Бесов”, т. е. на журнальной версии 1871–1872 гг. Выбор этой редакции возвращает нас к моменту, когда Достоевский еще был свободен от позднейшего воздействия на его творческую волю Каткова и других советчиков, убедивших автора отказаться от важнейшего эпизода его хроники, при отсутствии которого образ главного героя утрачивает уверенную отчетливость контуров, с какими он первоначально был дан художником. Одновременно автоматически восстанавливаются места, удаленные из романа только в силу выпадения из него “Исповеди Ставрогина” и представляющие подчас исключительное значение (например диалог Ставрогина с Дашей о посещающем его “бесе”). Обращаясь к редакции 1871–1872 гг., мы воспроизводим текст “Бесов”

---

<sup>8</sup> Заславский Д. По поводу замечаний М. Горького. Заметки читателя // *Правда*. 1935. 25 января.

в той стадии творческого процесса, когда Достоевский считал покаяние Ставрогина неотъемлемой частью своей эпопеи, настаивал на его напечатании и даже боролся за опубликование этого важнейшего фрагмента, по его собственным словам, “забракованного *ими*” (т. е. редакторами “Русского вестника”). Исключительное обогащение романа при таком возвращении к первоначальной творческой воле Достоевского, сложенной случайными и внешними причинами, убедило нас предпочесть более раннюю редакцию романа позднейшему “каноническому” тексту. Не вступая на путь ломки утвержденного Достоевским в 1873 г. “канона” и не внося в него опытов редакторской контаминации различных вариантов “Исповеди Ставрогина”, мы считаем правильным воспроизвести полный текст «Бесов» по публикации 1871–1872 гг. с воспроизведением и гранок набора отвергнутой “Русским вестником”, вопреки воли автора, главы “У Тихона”. Весь дальнейший процесс работы Достоевского над этим фрагментом дан в приложении к роману в транскрипции всего относящегося к этому месту материала.

Согласно традиции самого Достоевского, выпускавшего свои романы в нескольких книгах, настоящее издание публикует “Бесы” в двух томах, относя в первый том две части романа и вступительные статьи к нему, а во второй — третью часть, “Исповедь Ставрогина”, рукописные варианты и весь комментарий.

Текст романа иллюстрирован гравюрами художницы Сары Шор, а комментарий — документальными, историческими и литературными материалами: видами местностей, снимками с рукописей и печатных публикаций, авторскими рисунками, политическими карикатурами и проч. Издательство стремилось восполнить обычный тип разъяснительных статей и заметок обширным графическим комментарием, помогающим читателю разобратся в многочисленных “реальных” темах и эпизодах романа Достоевского.

Academia» (*Бесы* 1935, VIII–IX).

В предисловии обращает внимание расхождение между текстологическими декларациями и эдиционной практикой.

Издательство заявило о неприемлемости контаминаций, но в исполнении дана именно контаминация. Глава «У Тихона» обещана в приложении к роману во втором томе, но контаминация двух редакций исповеди Ставрогина появилась в первом томе.

Очевидно, что предисловие отражает замысел, который изменился в процессе реализации проекта. Л. П. Гроссман, который предполагал дать все варианты главы в приложении, вдруг, неожиданно для себя и начальства, дал контаминацию и включил ее в текст романа. Скорее всего, это было спонтанным решением: у составителя не было времени и редакторского тщания, чтобы исправить предисловие в соответствии с последним текстологическим решением.

Осуществившись эта публикация в 1935 г., она оказала бы огромное влияние на изучение «Бесов», но книга была запрещена, и она осталась

единственной и последней попыткой отдельного издания романа при советской власти.

Больше Л. П. Гроссман не возвращался к этому проекту.

В собрании сочинений, выходившем под его редакцией в 1956—1958 гг., роман «Бесы» опубликован без главы «У Тихона».

В других собраниях сочинений, выходивших в 1970—2000 гг., роман издавался в редакции 1873 г. с публикацией главы «У Тихона» в приложении.

Возможность отдельного издания романа «Бесы» появилась лишь в 1989 г., когда возникли цензурные послабления, и этой возможностью не замедлили воспользоваться и издатели, и исследователи творчества Достоевского.

За последние двадцать лет появились десятки изданий.

В некоторых из них воспроизводится редакция 1873 г. без главы «У Тихона», в том виде, в котором роман опубликован в седьмом томе десяти томного Собрания сочинений писателя в 1957 г. В других изданиях глава «У Тихона» дается в приложении. Обычно так происходит в изданиях, в которых ставят и решают научные задачи.

Ревностным поборником включения главы «У Тихона» является Ю. Ф. Карякин (*Карякин* 1989, 319—334). Все его аргументы безупречны, но не хватает самого главного: кто и как должен исправить авторский текст? Впрочем, исследователь прав: «Короче: потери от включения в роман главы “У Тихона” минимальны (по правде говоря, я их почти не вижу), приобретения — максимальны» (*Карякин* 1989, 331).

Ю. Ф. Карякин, а вслед за ним Л. И. Сараскина, включают главу «У Тихона» в книжную редакцию 1873 г.<sup>9</sup> Включать главу можно только в журнальную редакцию 1871—1872 гг. Только в этом решении глава находит свое место, и журнальная композиция обретает авторский смысл, совершенный и незавершенный одновременно.

В своих предыдущих изданиях романа «Бесы» я предлагал компромиссное решение текстологической проблемы: оставив всё как есть, поместить главу «У Тихона» в приложение, в конце восьмой главы второй части дать примечание, которое подсказывало бы читателю место главы в композиции романа и задавало бы последовательность полноценного чтения (*Бесы* 1990; Д18, IX). Сейчас я склонен пойти даль-

---

<sup>9</sup> 1) *Достоевский Ф. М. Бесы*: Роман в трех частях / Предисловие Ю. Ф. Карякина. Комментарии Л. И. Сараскиной. Ижевск: Удмуртия, 1989 (подписано к печати 03.09.1990); 2) *Достоевский Ф. М. Собрание сочинений*: В 10 т. Т. IV: Бесы: роман. М.: Лексика, 1996; 3) *Достоевский Ф. М. Бесы*: Роман: В 2 т. / Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л. И. Сараскиной. М.: Московский рабочий, 1993; 4) *Достоевский Ф. М. Бесы*: Роман в трех частях. «Бесы»: Антология русской критики. Составление, подготовка текста, послесловие, комментарии Л. И. Сараскиной. М.: Согласие, 1996.

ше — предложить реконструкцию журнальной редакции, представить ее в том виде, в котором роман мог появиться перед читателем.

В представленных изданиях восстановлена авторская заглавная буква, а издание 2004 г. осуществлено еще и в авторской пунктуации.

В большинстве изданий преобладает советская орфография, по которой слово *Бог* следовало писать с маленькой буквы, а слово *Сатана* можно было писать с большой<sup>10</sup>. В ряде изданий принята частично исправленная, но во многих случаях ошибочная орфографическая версия Н. Ф. Будановой<sup>11</sup>.

И. С. Тургенев, вероятно, сочинял, когда утверждал в письме Я. П. Полонскому от 24 апреля 1871 г., что Достоевский в запальчивом споре с ним говорил в Баден-Бадене, что его роман «Дым» «подлежал сожжению от руки палача»<sup>12</sup>.

Что было, если бы Достоевский увидел эти советские и постсоветские издания «Бесов»? Наверняка, сначала не узнал бы, а узнав свой текст, в гневе приказал бы сжечь их рукой палача.

Глава «У Тихона» не сочетается с книжной редакцией 1873 г.

Если включать главу, то следует делать так, как это сделал Л. П. Гроссман в 1935 г.

В данном издании публикуются все редакции главы в том виде, в котором они существуют сегодня; они даны в приложении к роману. На их основе создана контаминация.

Из всех версий приемлемо текстологическое решение проблемы перехода от 14-й полосы *Гранок* к *Списку*, предложенное Т. И. Орнатской (ДЗ0, XI, 28).

Сложнее проблема перехода от *Списка* к 16-й полосе *Гранок*.

16-я полоса *Гранок* начинается текстом, который был переработан в *Правке* и *Списке*:

«— Просто запросто, вамъ очень не хочется скандала, и вы ставите **мнѣ ловушку**, добрый отче Тихонъ, небрежно и съ досадой промямлилъ Ставрогинъ порываясь встать. — Короче вамъ хочется **чтобъ я остепенился**, пожалуй женился и кончилъ жизнь членомъ здѣшняго клуба, посѣщая каждый праздникъ **вашъ монастырь**. Ну эпитимья! А, впрочемъ вы, какъ **сердцевѣдь**, можете и предчувствуете что это **вѣдь несомнѣнно такъ** и будетъ, и все дѣло за тѣмъ чтобы меня теперь хорошенько поупросить для приличія, такъ какъ я самъ только того и жажду, не правда ли?» (С. 739).

<sup>10</sup> Так и напечатано: «Но Сатана знает бога; как же может он отрицать его» (ДЗ0, XVI, 36). У Достоевского: «Но Сатана знаетъ Бога; как же можетъ онъ отрицать его» (РГАЛИ. Ф. 212.1.13. Л. 60).

<sup>11</sup> Достоевский Ф. М. Бесы: Роман в трех частях / Подготовка текста, вступ. ст. и примечания Н. Ф. Будановой. Л.: Худож. лит., 1989.

<sup>12</sup> Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 28 т. Письма: В 13 т. М.; Л.: Наука, 1965. Т. IX. С. 85–86.

Этот текст был исходным для *Правки* и *Списка*.

Вот как выглядит этот абзац после переработки в *Списке*:

«— Какъ болѣзненно вы это все принимаете и какую даете цѣну... Впрочемъ, повѣрьте что я съумѣю оцѣнить... вѣжливо, но какъ бы брюзгливо проговорилъ Николай Всеволодовичъ. — Я замѣчаю вамъ очень хочется поставить **мнѣ ловушку**, — безъ сомнѣнія съ самою благородною цѣлю, изъ желанія добра и человѣколюбія. Вамъ хотелось бы, **чтобъ я остепенился** просто, безъ фокусовъ и безъ листовъ, пожалуй женился бы и кончилъ жизнь членомъ здѣшняго клуба, посѣщая по праздникамъ **вашъ монастырь**; не правда-ли? А, **впрочемъ вы, какъ сердцецѣдъ и циникъ, можете и предчувствуете, что это несомнѣнно такъ и будетъ, и все дѣло только за тѣмъ чтобы меня теперь хорошенько поупросить для приличія, такъ какъ я самъ только того и жажду** чтобы быть упрощеннымъ, не правда-ли? Бьюсь объ закладъ, что вы имѣли тоже въ виду мою мать и ея спокойствіе...» (С. 828).

В *Правке* рассматриваемый абзац *Гранок* развернут в диалогах.

«— Какъ болѣзненно вы это все принимаете и... какую даете цѣну... впрочемъ повѣрьте что я съумѣю оцѣнить, вѣжливо но нѣсколько сухо проговорилъ Ставрогинъ. — Мнѣ кажется вамъ очень хочется поставить **мнѣ ловушку**, безъ сомнѣнія съ самою благородною цѣлю, изъ желанія добра и человѣколюбія. Вамъ бы хотѣлось непременно, **чтобъ я остепенился**.

— Я знаю одного старца не здѣсь, но и не далеко отсюда, отшельника и схимника, и такой христіанской премудрости что намъ съ вами и не понять того, продолжилъ Тихонъ, какъ бы и не слыхавъ сказаннаго. — Онъ послушаетъ моихъ просьбъ. Я скажу ему о васъ все. Позволите? Подите къ нему въ послушаніе, подъ начало его лѣтъ на пять, на семь сколько сами найдете потребнымъ въ послѣдствіи. Дайте себѣ обѣтъ, и сею великою жертвой купите все чего жаждете и даже чего не ожидаете, ибо и понять теперь не можете что получите!

Ставрогинъ выслушалъ серіозно. Блѣдныя щеки его даже покрылись румянцемъ.

— Вы предлагаете мнѣ вступить въ монахи въ тотъ монастырь? спросилъ онъ.

— Вамъ не надо быть въ монастырѣ, не надо постригаться, будьте только послушникомъ тайнымъ, неявнымъ, можно такъ что и совсѣмъ въ свѣтѣ живя...» (С. 788).

Для объединения разновременных редакций достаточно привязаться к любой выделенной жирным шрифтом синтагме.

Что выбрать? Для контаминации, в основе которой лежит текст *Гранок*, предпочтительнее *Гранки*.

Из всех возможных вариантов убедительно текстологическое решение Т. И. Орнатской (*ДЗО*, XI, 29): заменить последний абзац *Списка* первым абзацем *Гранок*.

Настоящее издание подготовлено на основе всестороннего текстологического изучения рукописей и прижизненных публикаций, новых архивных источников. Целью данного издания является аутентичное воспроизведение журнальной редакции романа, в котором установлен критически выверенный текст, его публикация сопровождается текстологической справкой, списком исправленных опечаток и комментариями. даны все источники главы «У Тихона», впервые публикуется вариант главы, подготовленный с учетом правки Достоевского на гранках главы.

Журнальная и книжная редакции — *два разных романа*, каждый со своей композицией, с разной концепцией героя. В журнальной редакции автор приоткрыл в главе «У Тихона» многие тайны характера и личности Ставрогина. Самозванец не объявился во время бунта шпигулинских, пожаров и убийств после «праздника». Расставшись с Петрушей Верховенским, «Иван Царевич» пошел к Тихону и там обнаружил свою несостоятельность: герой не смог стать Великим Грешником. Тихон ждал от посетителя исповеди, покаяния и искупления. Ставрогин не готов к церковному таинству, его литературная исповедь — не столько попытка объяснить и объяснить, сколько презрение и вызов обществу. Сознаваясь в позорном преступлении, герой подменяет исповедь перед Богом литературным скандалом среди людей. Следствием неудачи его объяснения с Тихоном стал свершившийся в его судьбе Закон — наказание за преступление: он обрекает себя на самоказнь, осуждает себя на самоистребление.

Этого контраста нет в книжной редакции. Здесь Ставрогин — неразгаданная тайна, его лицо остается непроницаемой «маской», обольстительной для многих.

Так получилось. Обе редакции имеют право на существование.

Как два разных романа «Бесов» следует издавать: в журнальной и в книжной редакции, с главой и без главы «У Тихона».

**В. Захаров**